

Мария
Щедрина

ОМУТ
МОРОКА
И ТАИН

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Щ36

Иллюстрация на обложке *centaurea*

Внутренние иллюстрации *Евгении Лукомской*

Щедрина, Мария.
Щ36 Омут морока и тайн / Мария Щедрина. — Москва :
Эксмо, 2026. — 384 с. — (Обитель лжи и секретов).

ISBN 978-5-04-225373-7

В темных коридорах Больницы скорой медицинской помощи № 2 для фантастических существ сгущается тьма. Убиты пациент-аспид и патологоанатом.

Когда Василису, врача и ведьму, публично обвиняют в убийстве, она понимает: ждать помощи бессмысленно. Слишком много тех, кто смотрит на нее с подозрением. Слишком много тех, кому есть что скрывать.

На корпоративе ее опаивают, и она едва не тонет в бассейне, словно в омуте... Вот только это не просто несчастный случай. Позже ведьма обнаруживает в общежитии труп девушки в традиционном наряде колдовского поселения, в котором она сама родилась и выросла. И понимает, что это угроза: убийца не оставит ее в живых...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Щедрина М., 2025
ISBN 978-5-04-225373-7 © Оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2026

I. Волк против змеи

ВАСИЛИСА

Тишина. Любой необщительный человек может многое рассказать о ней. Тишина бывает разной: ласковой и уютной, угрожающей и холодной. Тот, кто проводит много времени в молчании, способен с легкостью отличить одну от другой. Жаль только, что это умение не поможет продлить тишину приятную и избежать последствий тишины страшной.

К чему это я? Да к тому, что визит СБМС к нам почувствовался сразу же, стоило мне спуститься на первый этаж. Потому что в приемном отделении стояла непривычная тишина. Обычно врачи и пациенты оглушающе шумят, поэтому нынешнее всеобщее молчание казалось странным и почти жутким. Я кожей ощущала, что оно не предвещает ничего хорошего. Такая тишина бывает, когда кто-то умер...

Впрочем, сегодня был как раз такой день.

Приемное отделение хорошо просматривалось из коридора, ведущего к нему с лестничной площадки, поэтому я не только слышала звенящую тишину, но

и видела, как сильно изменилась привычная обстановка. Обычно живые и шумные врачи передвигались редкими безмолвными тенями, собственными призраками. Пациенты и их родственники сидели на банкетках неестественно ровно, будто проглотили палки или будто их могут отправить за решетку из-за сколиоза или лишней улыбки. Казалось, все пространство занимают люди, стоящие посреди огромного зала приемной.

Их было четверо. Три человека — пятидесятилетний мужчина, женщина лет тридцати с лишним и паренек, явно недавно начавший охранять порядок на улицах нашего города, — в форме СБМС. Не меняющаяся с момента основания Службы, то есть с начала XX века, и состоящая из белой рубашки, бежевых в клетку жилета и галстука и бежевых же однотонных брюк у мужчин и юбки в пол у женщин, она сидела на «шестерках» как влитая. На лицах служащих застыли холодные и высокомерные гримасы, как маски. Четвертый — очевидно, Игорь Змеев, похожий на брата копной длинных черных волос, смуглой кожей, когтями на пальцах и чешуйчатым хвостом, почти полностью скрытым под длинной меховой шубой.

Я мысленно порадовалась, что перед тем, как выйти к этой компании, умылась, привела в порядок растрепавшиеся волосы и натянула медицинский халат, который наглухо застегнула, чтобы скрыть пятна Марининой крови на рубашке. Была бы грязной и неухоженной — чувствовала бы себя рядом с этими самоуверенными, чистенькими и явно богатыми людьми совсем уж неловко.

Перед тем как приблизиться на достаточное, чтобы меня было видно, расстояние, я остановилась. Эти люди не были моими пациентами и уж тем более знакомыми, и сердце сковал... не то чтобы страх, но

какое-то неудобство и нежелание подходить к ним. В голове автоматически начал прокручиваться мысленный диалог — что сейчас скажу я? а что могут сказать они? — отчего голова разболелась сильнее, чем раньше.

Тогда я решила подумать о том, что в кармане халата лежит обезболивающее. Поговорю быстренько и забегу в ординаторскую, приму там таблетку, и голова болеть перестанет. А потом пойду домой, отосплюсь... Все будет нормально. По крайней мере в ближайшие три дня, если я не буду думать о смерти Марины и договоре с Германом. Все будет хорошо, мне не нужно быть такой бестолковой слабачкой. Нужно просто подойти и поговорить.

Судорожно сглотнув и стараясь не замечать, что мои движения от повышенной необщительности становятся «судорожными», я на почти ватных ногах сделала нужное количество шагов к Игорю Змееву и сотрудникам Службы. Они заметили меня сразу же, но промолчали. Спиной я почувствовала, что на меня смотрят не только эти четверо, но и врачи. Смотреть, что ли, больше не на что?

— Здравствуйте, — собравшись с мыслями — а точнее, наоборот, стараясь ни о чем не думать, — начала я.

Неумение проявлять эмоции сейчас только играло на руку.

— Меня зовут Василиса. Я была лечащим врачом Михаила Александровича Змеева. У вас есть ко мне какие-то вопросы?

— Лично у нас — нет, — подал голос немолодой мужчина из СБМС.

Говорил он строго и даже в больнице с перекинутым через руку пальто напоминал царя или генерала. Впрочем, судя по погонам, от генерала он не очень далеко ушел — полковник.

— Мы здесь не из-за смерти господина Змеева. — Игорь кинул на него многозначительный взгляд, и полковник поспешно добавил: — Не только из-за нее. С вами хочет поговорить Игорь Александрович. А мы пройдем сразу к главврачу.

Я нервно облизнула губы. Не для того Герман меня сюда отправил, чтобы к нему так быстро заявились «шестерки».

На помощь мне неожиданно пришел Змеев (хотя его полные яда и упрека слова только безумец назовет помощью).

— Нет уж, задержитесь, господин полковник, — как бы попросил он, однако было заметно, что его просьба для СБМС равна приказу. — Подумаешь, подохла какая-то шавка, о которой завтра никто не вспомнит! Мой брат умер, это важнее! — Он бросил на меня липкий презрительный взгляд. — Эта девка, судя по всему, убила его.

После продолжительного знакомства с Михаилом Змеевым от его брата я ожидала чего угодно, но не такого. Умерший аспид, когда был жив, постоянно ругался, писал жалобы и всех раздражал, но приходило с СБМС и кидаться такими обвинениями...

«Ну спасибо за задание, Герман».

— Простите, что? — с трудом сформулировав даже эти два слова, холодно спросила я.

Вместо ответа Игорь сделал несколько шагов ко мне и остановился, лишь когда оказался на неприлично и, что самое худшее, отвратительно близком расстоянии. Мне это очень не понравилось. Сердце тут же пустилось в пляс, а лоб, по ощущениям, покрылся холодным липким потом. Телу больше всего на свете хотелось отойти, но разум не давал этого сделать — слова о том, что я виновна в смерти Змеева, ввели в ступор. Я понимала, что виновна в убийстве Марины, но ни-

как не Змеева, это глупое обвинение. Но в голове все равно замелькали мучительные, самоуничижительные мысли. Они словно пригвоздили меня к полу, не давая ни сделать шаг, ни сказать хотя бы слово. Игорь Змеев, смотрящий мне прямо в глаза своим светлым ледяным взглядом рептилии, тоже не облегчал ситуацию. К тому же, в отличие от брата, он не кричал, а говорил холодным елейным тоном, пробирающимся в самую душу, и от этого становилось еще страшнее.

— Что? — вкрадчиво переспросил Игорь. — Думаешь, я просто так велел вызвать тебя? У моего брата никогда не было проблем с сердцем, до вашей больницы у него было идеальное здоровье! — С каждым словом он распалялся все больше. — Он мне уже давно жаловался, что его лечит наглая, глупая, хитрая, ни на что не способная девица — ты, я так понимаю. Наверняка убила его по собственной тупости!

Впервые за долгое время я почувствовала себя маленьким, ничего не понимающим ребенком. Слова Игоря казались по меньшей мере в сто раз абсурднее, чем недавнее предложение Германа.

Я бросила беспомощный взгляд за спину Змеева. Сотрудники СБМС не делали попыток успокоить Игоря, что огорчало, но верить его словам и пытаться арестовать меня тоже не планировали, что радовало. Они просто стояли и созерцали вцепившегося в меня, во врача, бизнесмена равнодушным взглядом. Им явно было все равно. Медперсонал нашей больницы тоже смотрел — более заинтересованно, чем «шестерки», но скорее с любопытством, нежели с тревогой.

А впрочем, с чего я вдруг смотрю на других и чего-то жду? Всю жизнь со всем сама справлялась — получится и сейчас, если унять свои глупые загоны. Да, в словесных битвах я не так сильна, как в магических, но какой-никакой отпор дать могу.

Я несколько раз глубоко вдохнула носом, отчаянно пытаюсь игнорировать усилившийся гул в голове и удушающие запахи меха с дорогим одеколоном, исходящие от Змеева, и все так же ровно и холодно проговорила:

— Ваш брат умер от инфаркта. Он вполне возможен и у людей, прежде не страдавших сердечно-сосудистыми...

— И что же должно заставить меня поверить тебе? — оборвал меня Игорь. — Ты сейчас что угодно наплетешь, лишь бы вывернуться и не попасть по справедливости в руки правосудия!

— ...заболеваниями, — с легким напором закончила я.

Для этого пришлось собрать всю силу воли, потому что говорить с малознакомыми людьми мне сложно, а прерывать их — и вовсе почти невозможно.

— Главврач велел мне спуститься к вам, но я не понимаю, из-за чего такие наезды. Я думала, вы спросите, как проходило лечение, и попросите забрать вещи...

Игорь не дал мне договорить. Пожалуй, мне было бы все равно, если бы просто не дал, но дальше случилось страшное и неожиданное.

— Ты, шваль, будешь перебивать меня?

Змеев не кричал, но в его голосе послышался гнев, и он вскинул руку для пощечины. Я могла бы сказать что-то еще, могла бы с легкостью оттолкнуть Игоря, по крайней мере с помощью магии, могла бы позвать на помощь — в конце концов, СБМС обязана блюсти справедливость вне зависимости от того, кого от кого защищает, аристократов от отбросов или наоборот. При всем своем безразличии сейчас они должны были вмешаться. Я могла бы... к сожалению, только в теории, не на практике. Змеев и «шестерки» не были

знакомы мне, но были сильнее и злее. Как поселенческие колдуны, как все другие люди, которые когда-либо причиняли мне боль и зло. Они давили на меня этим, на истерзанную душу и мучимую болью голову. У меня при всем желании не получилось бы как-то им сопротивляться. Тогда получилось, но не сейчас. Единственное, что мне оставалось, — сжаться и зажмуриться в ожидании удара, надеясь, что когти Змеева не выцарапают мне глаз.

Прошла секунда, другая, третья, но удара не последовало. Правда, удивило меня больше не это, а то, как вдруг стало тихо. В приемном отделении и раньше стояла мертвая тишина, но теперь она будто еще больше помертвела. Теперь не слышалось даже шепотка, даже шагов или шуршания одежды. Пожалуй, именно это заставило меня открыть глаза.

Первое, что я увидела, — нависшая надо мной когтистая ладонь Змеева, которая, впрочем, не могла добраться до меня. Ее сдерживала другая рука, крепко обхватившая смуглое, полуприкрытое мехом шубы запястье. Сначала я подумала, что это кто-то из СБМС пришел мне на выручку. Не знаю, сколько времени мне потребовалось, чтобы заметить, что рука моего спасителя — в белом рукаве, а затем подняться по ней взглядом и увидеть его самого.

Больничная одежда, яростный взгляд карих глаз из-под бинтов и пластырей на лице. Денис Кирсанов. Какой он, оказывается, огромный. Когда он лежал в кровати и когда пересекался со мной в полутемных помещениях, это было не так заметно, но сейчас... Высокий рост, широкие плечи, мускулы, заметные даже в одежде пациента, — не уродливые и неестественные, как у качков или боксеров, но достаточные, чтобы чувствовать исходящую силу и надежность. Игорь Змеев тоже высокий, но в сравнении с Дени-

сом он сразу перестал выглядеть страшным; напротив, он казался маленьким и жалким. Никчемная змея в клыках безжалостного риджбека, собаки-змеелова.

Не знаю, когда это почти постыдное восхищение развеялось и до меня в полной мере дошло, что случилось. Денис, амнезийный пациент, никому не нужный и неизвестный, спас меня, чуть не до перелома сжав руку аристократа — знаменитого, богатого, спонсирующего нашу больницу и обладающего кучей связей Змеева.

Поначалу я невольно залюбовалась Денисом, но вскоре появилась мысль: не подсыпал ли все-таки Хоффман каким-то образом мне что-нибудь в чай? Не вызвало ли сотрясение галлюцинации? Потому что события после смерти Марины все меньше и меньше напоминали реальность. С чего Денису меня защищать? Зачем? Даже если он проходил мимо и увидел — ну подумаешь, ударят меня и ударят, что такого? Какое ему до этого дело? Я ведь ему никто, и он мне тоже. Разве не каждый должен быть сам за себя, за исключением, может быть, друзей и родственников? Хотя друзья и родственники тоже далеко не всегда приходят на помощь, когда это необходимо.

И вообще, это как-то даже оскорбительно — за последние сутки мне уже в который раз помогают не близкие люди. То Хоффман отнес в ординаторскую и привел в чувство, то Денис сначала попросился разобрать полки, а теперь защитил. Я чувствовала себя униженно, потому что казалась себе той, кем уже давно очень боялась стать, — этакой принцессой в беде. В общем, третьей стала злость.

Все это промелькнуло в голове намного быстрее, чем это можно было бы отразить, скажем, на бумаге, буквально за несколько секунд. Поэтому я очень даже успела прийти в себя, чтобы стать свидетелем даль-

нейших событий. А они произошли еще быстрее, чем прежние.

Первым всеобщее молчание нарушил Денис. Ничего удивительного, я уже успела заметить, что держать язык за зубами — не самая сильная его сторона.

— Без понятия, кто вы, но, судя по всему, кто-то не совсем в здравом уме. Поэтому давайте поясню: вы в больнице и не имеете никакого права распускать руки. Так что прошу вас отойти от нее, — парень кивнул на меня, — на социальную дистанцию в полтора метра. Или я буду вынужден прибегнуть к более серьезным, чем слова, мерам.

Игорь Змеев, который прежде молчал, очевидно пораженный, что какой-то перебинтованный парень схватил его за руку и не дал отвесить пощечину, теперь поднял на Дениса пылающий взгляд.

— Что? — переспросил он тоном, способным резать не хуже ножа. — Ты что несешь, щенок? — Тут я с трудом сдержала нервный смех, потому что с расой Дениса Змеев, сам того не желая, угадал. — А ну, быстро отпусти меня! Как ты смеешь прикасаться ко мне?!

Денис проигнорировал последние две фразы асида и злобно усмехнулся. Сейчас он напоминал кого угодно, но только не безобидного болтливого волчонка, каким был раньше. Кажется, его не на шутку разозлило, что Игорь на меня замахнулся. Интересно почему?

— Вы переспрашиваете? На глухого вы не похожи, значит, не поняли. Хорошо, переведу на более понятный вам язык: отошел быстро, подонок, или я оторву тебе руку и засуну туда, куда даже тебе не понравится!

Змеев дернул крепко схваченную руку. Денис не отпускал. Тогда Игорь решил обратиться к тому,

что должно было ему помочь, потому что оно сильнее, чем любое магическое создание, — к правосудию в лице стоящих позади представителей СБМС.

— Вы вообще слышите, что несет этот мальчишка? Он угрожает мне! Мне!!!

«Шестерки» по-прежнему выглядели довольно спокойно и равнодушно, однако после слов Игоря женщина приблизилась к нам.

— Молодой человек, произошло недоразумение, — обратилась она к Денису. — Пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Отпустите Игоря Александровича, или у вас возникнут проблемы.

— Недоразумение? — почти выкрикнул Денис. — Вы нападаете на девушку утром, в окружении кучи равнодушных людей! Это вы называете недоразумением?

Змеев открыл рот, видимо, чтобы разразиться очередной гневной тирадой, а женщина из СБМС еще приблизилась к Денису, очевидно, решив растащить двух мужчин силой — зрелище почти возмутительное, учитывая, что ее напарники только сейчас начали шевелиться.

У меня, к огромнейшему стыду, все еще не было сил ни отойти, ни что-либо сказать. К тому же голова разболелась так, что мне казалось, одно неловкое движение, и я снова рухну в обморок, и тогда точно возненавижу себя за слабость и позор.

Не знаю, чем бы все кончилось, если бы не подошел еще один спаситель.

— Что тут происходит? — раздался строгий голос Екатерины Алексеевны.

Когда я подняла взгляд, по верхней одежде и красному от мороза лицу поняла, что она только что — и очень вовремя — вошла в больницу. Она наверняка сразу заметила кучку людей на грани драки, потому

что не сводила глаз с Дениса и Змеева. Вид суровой раздраженной заведующей на всех подействовал отрезвляюще.

— А вы спросите у этого господина! — резко бросил Денис и наконец отпустил Змеева, при этом слегка его толкнув.

— Игорь Александрович? — с удивлением и уже немного мягче обратилась к нему Екатерина, будто узнав Змеева, только когда Денис отпустил его.

— Я уже пятьдесят пять лет Игорь Александрович! — так агрессивно ответил аспид, потирая при этом руку, что у него изо рта пошел дым — еще чуть-чуть, и он начнет дышать огнем. — Устроили притон и называли больницей! Я понимаю, почему мой брат умер!

— Серова?

Екатерина перевела на меня взгляд, очевидно, догадываясь, что от Змеева ничего вразумительного не добьется. Вид заведующей немного взбудрил и меня тоже. В голове до сих пор не совсем укладывалось все, что произошло, поэтому я решила не мудрить и лаконично сказала правду:

— Игорь Александрович заявил, что я убила его брата, и попытался ударить меня. Мой пациент Денис не дал ему это сделать.

— Это правда, — неожиданно подтвердила мои слова женщина из СБМС, обращая на себя внимание Екатерины. — Мы как раз собирались вмешаться, но...

Из удивленной заведующая снова стала злой. Еще злее, чем раньше. К явному удивлению Змеева — и, если честно, к моему, — злость эта обратилась на него.

— Вы пытались ударить нашу сотрудницу?! Вы что себе позволяете?!

— Я?! — вскипел аспид. — Эта мелкая тварь на травливает на меня своих любовничков, а я что-то не

то себе позволяю?! Это моя больница, в конце концов, я ее спонсирую!

В лице Екатерины Алексеевны у Змеева появился достойный соперник в умении прожигать взглядом. Заведующая, пытаясь глазами высказать аспиду все, что она о нем думает, прошла через приемное отделение. Стук ее каблуков отчетливо раздавался в тишине. Задержавшись около меня на мгновение, она спросила:

— Серова, главврач у себя?

Я попыталась прикинуть, сколько мы все тут стоим и достаточно ли прошло времени, чтобы Герман успел «поработать» над телом Марины. Но прикинуть не получилось, в голове стоял туман. Я уклончиво ответила:

— Он обещал скоро подойти.

— Хорошо, — почти тепло ответила Екатерина (это при том, что она почти всегда разговаривает с врачами на языке криков и упреков), затем уже более привычным для нее тоном обратилась к Змееву: — Пройдемте со мной в кабинет, Игорь Александрович. И вы тоже. — Екатерина Алексеевна скользнула по сотрудникам СБМС таким взглядом, словно те — не более чем нашкодившие дети.

Не говоря больше ни слова и показывая, что хозяйка здесь она и поэтому ее слова — закон, Екатерина Алексеевна направилась в коридор. «Шестерки», не теряя своего достоинства, пошли следом, при этом полковник что-то писал в смартфоне.

Змеев же задержался и внимательно посмотрел на Дениса.

— Ты должен благодарить богов за то, что у тебя лицо изранено, — произнес он уже более спокойно и язвительно. — Потому что твой голос мне знаком, хотя из-за повязок я не могу понять, кто ты. Если узнаю, ты пожалеешь об этом, уж поверь.

— Рад за вас, — тоже другим тоном, бодрым и веселым, как раньше, отозвался Денис. — Если, когда будете вспоминать, кто я, снова захотите обидеть какую-нибудь девушку, обернитесь, а то вдруг я буду стоять сзади? Точно ведь руку сломаю.

На этом обмен любезностями закончился. Змеев пошел за Екатериной Алексеевной, наверняка опасаясь, что без нее не сможет найти кабинет, в котором он планирует написать жалобу на меня, а Денис не делал попыток продолжить разговор — наверное, не хотел портить отношения с заведующей отделением, в котором ему еще лежать не одну неделю.

* * *

Врачи и пациенты постепенно возвращались к своим обязанностям. После ухода СБМС приемная снова наполнилась привычным шумом, сквозь который отчетливо слышались голоса, обсуждающие произошедшее.

Мы с Денисом остались одни. Какое-то время мы стояли в тех же позах, что и раньше, когда пришла Екатерина. Я думала о том, какую все-таки подставу мне устроил Герман, вполне возможно, сам того не желая. О чем думал Денис, я не знаю.

В какой-то момент он положил руки мне на плечи и развернул к себе. Я слишком поздно вспомнила, что надо бы возмутиться, поэтому промолчала. К тому же, что удивительно, почему-то не хотелось сказать парню привычное «не трогай меня», которое обязательно сказала бы Хоффману или любому другому на его месте. Впрочем, мысль об этом я постаралась проигнорировать.

— Ты как? — спросил Денис. — Он тебя не тронул? А то у тебя вид какой-то... никакой.